

Маленькие радости

Петр Юшко

Петр Юшко

Маленькие радости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70542214

SelfPub; 2024

Аннотация

Маленький рассказ о молодости, любви и смысле жизни. Автобиографичен. Можно было бы назвать это ностальгией, но ничего так и не изменилось за 33 года. Все так же жду, так же радуюсь. Посвящаю всем влюбленным романтикам.

Петр Юшко

Маленькие радости

Была середина марта, и солнце грело уже довольно-таки сильно, так, что лед, покрывающий улицы, начинал таять, чтобы вечером, когда прихватит мороз, снова затвердеть.

Я сидел дома один и не знал, за что взяться. Поиграл с кошкой и потом накормил ее. Долго смотрел, как она вылизывается после еды. Кошка ушла спать, и я остался совсем одиноким. Внутри, где-то в груди, и в животе, и в голове, и скорее всего это можно назвать – в душе, было как-то пусто, скверно. Такое ощущение, что изнутри у тебя выкачали все внутренности и, осталась только оболочка, на удивление еще двигающаяся. Я сходил на балкон и потомился там с высоты девяти этажей. В тени от стены было холодно. Ветер дул ледяной. Солнце грело чужие дома вдалеке от меня. От этого стало совсем пусто.

Ну когда же она уже позвонит?

В голове неотвязно закрутилась эта мысль. Просто шататься по комнатам совсем опостылело, и я повалился на диван. Начались страдания – когда же ты позвонишь?

Позвони... позвони... позвони... позвони...

Я посмотрел на часы – ровно 12:30. Позвони... позвони...

В 12:35 раздался звонок. Я открыл глаза и стал ждать третьего. После него вскочил и схватил трубку:

– Слушаю!

– Здравствуйте,– голосок, который можно связать лишь с двенадцати-тринадцатилетней девочкой.

– Здравствуйте Вальки,– я, наконец, облегченно перевел дух,– как вы живете? Как дела? У тебя уже все?

Она смеется:

– Нет. У меня перерыв до 14 часов.

– Хорошо очень! Ты где сейчас?

– Я у «диетки».

– Ага!– Внутри все заполняется теплом.

– Пойду по этой стороне проспекта Л-на.

– Сейчас же выхожу. Иду в твою сторону.

– Хорошо. Ну, пока?

– Ага. Пока.

Швырнул рубку. Бросился в прихожую. Не заметил как, уже оказался в лифте, натягивая куртку.

Когда это я шнурки на ботинках завязал?

Бегом по ступенькам! Бегом за стадионом по обледеневшей на морозце тропинке, мимо черной скалы. Где-то тут мой институт. Солнце, отсвечивая ото льда, слепит в глаза.

Ну, когда я добегу?!

Голубая шубка. Вот она. Бегом. В руках держит какой-то сверток.

– Привет,– выдохнул я.

– Привет. Это мороженое.

– Здорово!

– А там еще пирожное.

– Ну, ты даешь! А зачем ты так тратишься?

– Мои деньги. Куда хочу туда и трачу. Держи, только не урони.

– Идем ко мне. Я тебя обедом накормлю.

– Идем. Только давай не этой дорогой. Тут должен Б-н пройти. А может лучше не есть? Вот чаю было бы хорошо.

– Ну уж нет. Сначала поешь, потом чаю. Какая ты красивая. Чудо маленькое!

– Ну, скажешь.

– Берись под руку.

Мы идем сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Она рассказала про работу, какие были «Дела», какие были люди, кому сколько дали срока. Она работала тогда народным заседателем в суде и страшно переживала за каждого подсудимого.

В лифте я ее обнял и поцеловал в губки, а она обняла меня и ответила на поцелуй. Ну, вот мы и дома.

Теперь уже совсем тепло и совсем не одиноко. Теперь я уже не один. Пустоты внутри как не бывало. Теперь хорошо.

– А у тебя как дела, двоечник?– Смеется Тина.

– Ну, доедай яичницу. Уже можно заливать чай?

– Можно. Ты расскажи-ка лучше, когда зачет сдавать будешь?!

– Завтра,– вру я,– доедай. И не плачь больше из-за всяких там. Сначала надо поесть, чаю попить – у тебя ведь обед.

Потом уже плакать будешь.

– Я не плакала,– говорит она и отворачивается в сторону,– я не умею плакать.

– Плакала, плакала. Тиночка, ты какая красивая.

Милая Тина. Рассказывает случаи из своей жизни, а я слушаю.

– Тина,– я смотрю сначала на ручные, а потом на настенные часы,– а мы уже опаздываем.

– Как? Сколько время?

– Уже два часа. Сначала давай мороженое спокойно доешь, а потом побежим. Один раз можно и опоздать. Другие ведь опаздывают.

– Нет! Побежали. Мороженное сам доешь. Я и так каждый раз опаздываю.

Мы побежали сломя голову к зданию суда, по дороге она дорассказывала свою историю.

– Может у тебя скоро кончится,– с надеждой в голосе спрашиваю я.

– Может. Я позвоню тебе.

Вдруг я вспоминаю:

– Тебе же за очками надо после семнадцати часов! А ты работаешь до восемнадцати, а Женьку ведешь в бассейн в восемнадцать пятнадцать. Успеешь?

– Ах ты, черт! (Вот так Валька!). Я и не подумала. Ты сейчас сходи в «Оптику», посмотри – до сколько они работают. Думаю, они до 19 часов работают.

– Сейчас сразу пойду. Ну, пока. Позвони мне, хорошо?

– Хорошо, позвоню. Ну, пока, Петечка.

Теперь уже до конца дня будет хорошо. Тоска закончилась. Может, через несколько часов, а может и меньше, она позвонит, и мы опять пойдем ко мне, и, (хоть бы никто не пришел!) будем говорить о чем-нибудь секретном. И не только говорить.

Я долетел по проспекту до «Оптики». Так и есть – работают до 19 часов. Значит успеем. Скорее теперь домой, вдруг у нее все отменяют и уже отпустили! Смыслом жизни становится ожидание.

В 16:20, или около того, снова звонок. Я бросаюсь к телефону.

– Слушаю!

– Петечкин, это я, – снова тот же детский голосок, – у меня уже все.

– Здорово! Ты где? (Я так и знал).

– Я в «Сувенирах». Если хочешь, приходи сюда. Мне посмотреть тут надо.

Опять сломя голову несусь. Вот так Валька! Заколдовала!!! Только о ней и думаю. Бегом...

У входа в магазин ее нет. Значит все еще внутри. Так, ну теперь спокойно. Рыскаю глазами по толпе. Где она? Вот. Потихоньку подхожу. Дыхание уже успокоилось. Она стоит у прилавка и разглядывает брошки.

– Здравствуйте, – серьезным голосом говорю я, – что тут

есть?

– Да так, просто смотрю,– отвечает Тина.

– Идем ко мне скорее. Никого нету.

– Ну, идем,– говорит она,– судья не хотел отпускать, а этот Б-н, наглый такой, говорит: «А нам что делать?», а судья. «Ну, тогда до завтра». Дел то больше нету, а он сидит с таким видом и бумажки перебирает.

Очень быстро пришли мы ко мне домой и, вот жалость, дома уже брат.

– Раздевайся,– говорю я ей и вешаю голубую шубку в прихожей,– в мою комнату идем. Бери расческу. Расчешу тебя.

– Правда?– Спрашивает Валя и делает круглые глаза.

– Когда чесалась последний раз?

– Да уж очень давно,– она берет расческу и какие-то книжечки,– вот посмотри... Здравствуйте.

– Здравствуй,– говорит мой брат и уходит на кухню,– что ты тут за свинарник устроил?– Это он уже в мою сторону.

– Тина, идем ко мне,– говорю я, не замечая слов брата о моем безобразии на кухне.

Я закрываю дверь и сажаю ее в кресло. Расплетаю длинную белую косу, вынимаю заколку и белый водопад, искрясь и переливаясь, низвергается вниз и его кончики касаются пола.

– Какое у тебя богатство, Тина, прямо на голове,– у меня все замирает внутри. Делю массу волос на три равные части, как она меня учила, и, захватив каждую повыше между

пальцами в руку, начинаю расчесывать, а точнее выдирать.

– У тебя тут уже узлы. Ты погляди, какой клок вырвался!–
Негодую я.

Она начинает вслух читать свою книжку и иногда, когда волос дергает особенно сильно, тихонько попискивает:

– Ой, больно!

– Терпи,– говорю я ей.

Потом беру ее голову двумя руками, поворачиваю к себе, наклоняюсь и целую везде: лоб, губы, щеки, глаза, шею. Она с закрытыми глазами тихонько отвечает и целует меня. Я продолжаю расчесывать дальше.

– Я сейчас усну, Петька,– жалуется она. Книжка давно выпала из пальцев.

– Спи,– говорю я и продолжаю беспощадно раздирать спутанные волосы. Они распушаются еще больше и щелкают искрами под расческой.

Как хорошо. И мне и ей. Ей никто никогда не расчесывал косу. А я тоже, никому и никогда. Может быть, от этого и хорошо.

Тина закрепляет их красивой темно-вишневой заколкой на затылке.

– Заплести тебе косу?– Спрашиваю я.

– А ты сможешь?

– Ну, попробую.

– Тогда заплетай.

Тина говорит как делать, а я старательно кручу волосы в

тугую, толстую золотую косу. Потом на конце перетягиваю резинкой. Резинка яркая, розовая и мохнатая.

– Как бы нам с тобой в это кресло вместе сесть,– говорю я как бы просто так.

– Так садись я подвинусь... ах, ты хочешь так! Ну, ладно,– она вылезает из кресла и потом садиться ко мне на колени. И мы разговариваем долго, полка не наступает время идти за ее дочкой Женикой в детский садик. Женя уже большая. Ей, недавно, в феврале, исполнилось семь лет. Она очень смышленная и просто копия своей мамы. Женечка гордится своей мамой, хочет такие же волосы и вообще, хочет быть похожей на свою маму во всем. Мама называет ее Ёженькой, когда она себя хорошо ведет. А когда Женька ведет себя плохо, то зовет Евгенией. Но такое редко случается, по крайней мере при мне. Я их про себя называю «Две девчонки» и знаю, что им очень хорошо друг с другом вдвоем.

Мы с Тиной одеваемся и дворами идем за Женикой в детский сад. Там Тина ее забирает, а я жду на улице немного в стороне. На всякий случай. Потом ведет дочку в бассейн через дорогу. Сегодня Женька плавает в «лягушатнике». Я ожидаю Тину на остановке. Уже здорово похолодало, сильный ледяной ветер, пальцы начинают замерзать в карманах. Я не выдерживаю и захожу в вестибюль бассейна, но Валя уже идет навстречу, и мы вместе направляемся в «Оптику» за очками.

Тина страшно боится очков. Когда она их мерила вчера

оправа ей не понравилась. Она никогда еще не носила очки.

Ветер все сильнее и сильнее, поэтому мы стараемся идти быстро. Вот уже и двери «Оптики» на проспекте Л-на. Заходим туда и встаем в очередь.

– А ты не забыла рецепт?– Подшучиваю я. Пытаюсь отвлечь ее от неприятных мыслей.

– Нет. Я вообще ничего не доставал из сумки. Не смейся,– она достала из серого портфельчика рецепт и отдала мне.

– Давайте, кто за заказом?– говорит женщина в белом халате из-за стойки. Я отдаю ей рецепт, и через несколько минут она выносит бумажный пакетик, а в нем очки. Валя достала их. Оправа розовая и ей кажется, что слишком яркая. Она надевает очки и, радостно восклицает:

– Ой! Все вижу! Ой, как здорово, Петька!

Эту радость просто невозможно описать. Так маленький ребенок радуется долгожданной игрушке, подаренной совсем неожиданно – он еще и не верит в то, что она его, и все же уже радуется, предвкушая, как он будет с ней играть.

Потом мы с Валеёй ходим по книжным магазинам, и она издалека разглядывает названия книг. Я радуюсь вместе с ней. Глядя на эти счастливые глаза невозможно не радоваться.

– А вон та книга, справа вверху?– Спрашиваю я. Валя читает название и чуть ли не хлопает в ладоши. На лице улыбка счастья и недоверия. Я прижимаю ее к себе крепко, прямо в магазине и говорю:

– Умничка ты моя, какая ты красивая. Они тебе очень идут,— я беру ее косу и показываю на мохнатую резинку,— смотри, а тут цвет точно такой же!

– Точно,— говорит она и перекидывает косу на грудь. Она гордо шествует перед полками с книгами, читая издалека их названия. Потом мы идем в другой книжный магазин.

Но, уже пора идти за Женей и выйдя из магазина на улицу, уговариваю не снимать очки. Она идет и, глядя по сторонам, восклицает:

– Петька! Все вижу! Как же я давно так хорошо не видела. Раньше человека видела, а лицо – как пятно белое. А теперь лица все издалека вижу.

– Милая Валька,— говорю я ей,— как я рад за тебя.

Из-за сильного ветра она снимает очки и прячет их в портфель. Какая она счастливая! Как мне хорошо сейчас, рядом. Дворами мы пробегаем до бассейна и начинаем прощаться.

– Может я тебя утром встречу?— с надеждой спрашиваю я.

– Мне завтра к 9:45 на работу, но надо с Женечкой сходить за справкой в поликлинику. А потом, если время останется, я тебе позвоню.

– Ну, хорошо. Я рад за тебя Валюшка. Покажи очки Женике.

– Нет,— говорит она,— Они ей не понравятся. Она хочет, чтобы я всегда была красивая, а очки, видите ли, меня испортят.

– Ну, ничего. Может, я сейчас с вами пройду? Мне в

ту же сторону.

– Ой, Петька, не надо пока еще, лучше попозже.

– Я соскучился по Женьке, – говорю я и знаю что это правда.

– Нет, Малыш, пока не надо. В другой раз.

Видю, что ей и самой очень бы этого хотелось.

– До свидания, тогда, Тина. Счастливо.

– Пока, Петька.

– Пока.

Она уходит в бассейн, а я скорее на остановку и сажусь в троллейбус. Еду и совсем забываю, куда хотел зайти. Иду домой. Как хорошо быть с ней. Ну, что ж, теперь буду ждать утра, когда снова зазвонит телефон.

(16-17 марта 1992 год).

Уходишь ты и за тобою вслед

Стремиться мысль, душа несется,

И стынет кровь, и жизни нет!..

Но только что во мне твой шорох отзовется,

Я жизни чувствую прилив, я вижу свет,

И возвращается душа, и сердце бьется...

(Денис Давыдов)